

ОТЗЫВ

официального оппонента Агапкиной Татьяны Алексеевны
о диссертации Осиповой Ксении Викторовны «Севернорусская лексика пищи
и питания в этнолингвистическом аспекте», представленной на соискание
ученой степени доктора филологических наук по специальности
5.9.5 – Русский язык. Языки народов России.

Рецензируемая диссертационная работа выполнена в рамках Уральской научной школы этимологии, ономастики и этнолингвистики. В отличие от так называемой широкой этнолингвистики, представленной соответствующей Московской школой, где в фокусе внимания оказывается лексика определенного фрагмента народной культуры славянского региона или славянского мира в целом, рассматриваемая в единстве языка, верований, обрядности и фольклора, объектом исследования К.В.Осиповой становится диалектная лексика пищи и питания – одной из важнейших сторон повседневности, бытовой жизни традиционного населения Русского Севера, взятая в целом, во всей полноте и широте охвата этой по сути необъятной темы. Сам по себе такой подход говорит о высокой степени уверенности диссертантки в своих силах, в своей способности реализовать столь масштабный и в хорошем смысле амбициозный проект.

Выбранный аспект исследования во многом определяет оригинальность работы, в которой новизне подхода к выбору материала сопутствует его рассмотрение в семантико-мотивационном и этимологическом аспектах с привлечением огромного объема социо- и этнокультурных данных. Кажется, впрочем, что автор несколько переоценивает эвристический потенциал этой лексической группы, настаивая на том, что именно лексика служит «главным источником информации о духовной и материальной культуре региона» (с. 10).

В целом введение к работе включает все положенные составляющие, но особо хотелось бы отметить выносимые на защиту положения, которые выйдут далеко за рамки узкого понимания темы диссертации и ее результатов и по сути касаются практически новой для современной науки дисциплины – региональной этнолингвистики (с. 11–14). Докторская диссертация обязательно

предполагает критическое изложение истории вопроса и выработку новой или обновленной методики (методологии) исследования, и к этой стороне работы Ксения Викторовна подошла со всей ответственностью, посвятив ей первую главу. Автор рассматривает историю изучения русской лексики пищи и питания в разных научных традициях, подробно останавливаясь на истории становления этнолингвистической проблематики в рамках Уральской научной школы. На основе этой предварительной работы, и прежде всего аналитического осмысления основных принципов этнолингвистического исследования, разработанных в рамках этой школы, в параграфе 3-м обосновываются приемы этнолингвистического анализа региональной традиции, которые составляют одновременно теоретическую и методологическую основу диссертации и едва ли не ее главное достижение (с. 41–70). Единственное, что осталось для меня не до конца проясненным, это вопрос о границах региона и некоторых географических маркерах привлекаемой к рассмотрению лексики или ее этнографического субстрата. Автор утверждает, что выбирает архангельскую, вологодскую и северо-восточно-костромскую традиции и не рассматривает территории соседней Карелии и Республики Коми (с. 68–69), в то время как в отдельных разделах работы количество карельских, пермских, новгородских, псковских и иных примеров довольно велико; при этом в других частях диссертации материал может быть ограничен только заявленными регионами Рус. Севера. Так, характеризуя лексику голодного времени, автор активно привлекает карельские данные, в разделах, посвященных лексике сладкого и соленого, ограничивается архангельской и вологодской; когда речь заходит о фольклоре, автор вновь обращается к олонечкой традиции, в частности к причитаниям Барсова; рассказывая о технологии пивоварения, использует новгородские описания, и т.д. Хотелось бы уточнения материала для собственно анализа лексики и сопоставительных целей.

И еще одна реплика по поводу методологии исследования: полезно было бы увидеть в работе соображения относительно особенностей сопоставления материалов, разделенных почти двухвековым промежутком, тем более что ав-

тор часто обращает внимание на ранние фиксации слов (например, слова *пятево*, с. 262).

2-я глава диссертации представляет лексику пищи и питания севернорусской традиции в проекции на реалии быта, хозяйственной деятельности и условий жизни сообщества и человека. Здесь особый интерес вызывает параграф, посвященный диалектной лексике пищи, относящейся к голодному времени. Автор предлагает комплексный анализ этой лексики, учитывающий социальные условия и обстоятельства, связанные с голодными периодами, практику изготовления и применения суррогатной пищи, ее названия и происхождение. Ксения Викторовна замечает, что в лексике голодного времени заметно стремление называть суррогатную пищу, находя ей аналоги среди обычных блюд, вроде *лебединые лепешки* 'лепешки из лебеды' (с. 152). Я бы усмотрела в этом также лексическую устойчивость, когда специфика «голодных» блюд задается не собственно их названиями, а эпитетами и определениями, уточняющими видовые характеристики блюда. Допустимо, что определения в подобных двухкомпонентных наименованиях, независимо от их конкретного значения, могут приобретать общее значение 'ненастоящий, ложный; неправильный', и в этом смысле не будет большой разницы между *сталинской ухой*, *лебединой лепешкой* или *русскими штями*, поскольку такая уха не уха, и лепешка не лепешка, и щи не щи.

В разделе, посвященном народным коллективным и индивидуальным прозвищам, сформированным на основе пищевых особенностей тех или иных социальных групп или индивидуумов, пища рассматривается как критерий социальной и иной дифференциации крестьянства. На с. 155 автор отмечает: «...большая часть представленных прозвищ записана в Верхне-Тоемском районе Архангельской области. Это может объясняться как субъективными причинами (неравномерность сбора или интенсивность работы в данном районе), так и объективными: вероятно, рацион Пинежья имел свою специфику и/или по какой-либо причине тема пищи и питания была особо актуальной для его населения». Последнее соображение автора особенно интересно, учитывая, что ка-

ждающая культура в определенной степени развивается имманентно, т.е. обладает своей уникальностью, ее локальные смыслы и особенности являются наиболее значимыми, а развитие культуры в целом следует ее внутренней, не всегда постижимой логике.

В 3-й главе «Народная лингвистическая таксономия пищи и питания» автор обращается к вопросам категориальности пищи, соответствующим категориальным значениям, таким как пища вообще, приправы и лакомства, способы приготовления, свойства пищи (жидкий – сухой, сытный – пустой, постный – скоромный и др.) и, естественно, к собственно категориальной лексике. Особый интерес вызвал раздел, посвященный семантике постного – скоромного, определяющей в том числе и устройство календарного годового круга, а также развитие у соответствующих слов, передающих семантику ‘постный’ и ‘скоромный’, вторичных метафорических значений. Автор диссертации справедливо отмечает принципиальные различия в народной и христианской оценке постного и скоромного. Вопреки христианской системе ценностей, народная культура определяет постное/пустое как слабое, болезненное и бедное, а скоромное – как хорошее, богатое, полное сил, плодовитое. И эта оценка, понятно, выходит далеко за пределы и сферы пищи и достатка, и севернорусского региона; поэтому в пару к арх. *постово́й* ‘неяркий, неброский, надеваемый в пост (об одежде)’ приведу лишь одну украинскую параллель пример: *яка пісна дівка* – так говорят о девушке, надевшей в обычное, непостовое время бледно-голубое платье.

Стоит отметить очерки, посвященные отдельным лексемам в рамках оппозиции скоромный – постный, в частности тщательное исследование семантики с.-рус. *молосный*, *молостное* как обозначения скоромной пищи (с. 198 и сл.), которые, по мысли автора, восходят к *молост* ‘мясоед’ и с молочной пищей как таковой связаны опосредованно. Особо пронизательно звучит наблюдение автора над переходом некалендарного, хозяйственного значения *молост* в календарное, характерное для всего корпуса календарно-детерминированных установлений и верований, вторичных по отношению к природным и хозяйственным.

Некоторые диалектные слова, которых автор касается по необходимости вскользь, явно заслуживают в будущем более пристального внимания, изучения их узуса и семантики; к таким словам я бы отнесла рус. *спорина́*, значение которого явно выходит за рамки 'сытости' и 'бесконечности пищи'.

В 4-й главе «Лексика пищи и питания в ареальном и типологическом аспекте» получает особое развитие крен в сторону сопоставительного подхода, и в ней появляются короткие очерки, посвященные отдельным заимствованиям из финно-угорских языков, подтверждаемые при изучении культурно-бытовых практик, перенимаемых вместе с лексикой русскими у соседних народов.

Для значительного количества лексем автор предлагает надежные этимологические и мотивационные находки и параллели. В частности, К.В. рассматривает мотив приготовления муки, толокна и блюд из него путем растирания, битья, отраженный не только в родстве праславянского **mękati* 'мять' и **moka*, но также в с.-рус. *месятка* и *дрануха*, производных от *месякать* и *драть* с соответствующими значениями.

Особенно выигрышно смотрятся те фрагменты исследования, где автор выходит за рамки севернорусских говоров и исследует ареальное распределение лексики в рамках той или иной идеограммы, например при рассмотрении рус. *простокваша*, *сырокваша* и под., а также когда предлагает свои уточнения в известные этимолого-мотивационные обоснования, как это происходит при анализе рус. *пестрокваша* (с. 282 и сл.).

Небольшой раздел автор посвящает ритуальному использованию творога в севернорусской обрядности (с. 311–312), приходя к выводу что такое использование проявлялось достаточно локально. Вместе с тем надо иметь в виду, что в Поветлужье и на севере Нижегородской области в календарных обрядах летнего времени творог (*сыр*) использовался очень активно, что было обусловлено предшествующим петровским постом, во время которого коровы давали много молока, и хозяева вынуждены были заготавливать творог, не имея возможности потреблять его в пищу. В тот же календарный период происходило окончательное отделение молодой от ее родителей и последние в рамках послесвадебного

цикла визиты молодоженов к родителям невесты, которые и получали название *ходить по сыры, давить сыр* и мн. под., причем в том числе и в Шарьинском районе. Возможно, что в костромской традиции можно обнаружить и еще какие-нибудь рефлексы этих практик.

В последнем разделе 4-й главы, посвященном традициям пивоварения на Русском Севере и обслуживающей его лексике, автор вводит эту лексику в широкий культурный контекст, отмечая переносные, метафорические значения отдельных лексем, в частности глагола *навеселивать/навеселить* 'заквасить пиво' и устойчивые ассоциации брожения напитка с состоянием эмоционального возбуждения, которые породили соответствующие ритуальные практики (чтобы пиво получилось крепким, опуская закваску, следовало веселиться, ходить с песнями и плясать вокруг чана, с. 337). Тем самым, с одной стороны, расширяется семантическое поле соответствующих глаголов, а с другой – описанная ритуальная практика включается в парадигму обычаев, нацеленных на то, чтобы движением активизировать биологические, природные или химические процессы (танцевать, качаться на качелях или гулять, чтобы уродились культурные растения, лучше ловилась рыба и т.д.). А выражение *лицо казать* – обозначающее пиво, появляющееся сверху в сосуде из-под осевшей пеной, – вызывает в памяти выражение *жопку казать* – о перевернутой вверх дном чашке как знаке завершения чаепития; и оба они включаются в антропоморфный код, пронизывающий традиционную культуру в целом.

В то же время не все трактовки пивной метафорики кажутся мне однозначно убедительными: это в основном касается лексики, описывающей пену на пиве. Так, для костром. *цвет* напрашивается прямая ассоциация с цветением растений и фруктовых деревьев; для арх. и волог. *мóлоди, мóлодь* – с белым и пышным убором молодой (невесты); для арх. *бабка на тиве насела* кажется актуальной параллель, с одной стороны, с «бабой на чайнике», насаживаемой сверху на чайник для получения должной заварки, а с другой – с простореч. выражениями типа *баба поперла* 'о пене на варенье или даже на мясном бульоне'; наконец, волог., костром. *зайцы, зайчики* – о пузырьках на пене – воскрешает

детские воспоминания о лопающихся *зайчиках* на газировке.

5-я глава диссертации посвящена исследованию диалектной лексики пищи, отразившей особенности организации повседневного, праздничного и ритуального застолья, названий соответствующих блюд, а также места этих явлений в традиционной славянской культуре. В орбиту внимания автора попадают многочисленные рекомендации, касающиеся структуры трапезы, поведения хозяев и гостей за столом, отношения сидящих за столом к еде, манеры принимать пищу и множества других аспектов питания и связанной со всем этим лексики.

Отдельные эпизоды и особенности трапез вызывают устойчивые типологические ассоциации, включая застольные регламентации в систему ценностных ориентиров народной культуры. Так, рассматривая братчины, автор замечает: «Величайшим позором считалось, если участника трапезы обносили круговой чаркой или братиной, что означало исключение из социальных связей» (с. 386). Так же расценивались в традиционной культуре случаи, когда колядники обходили стороной какой-нибудь дом, тем самым выражая негативное отношение к поведению незамужних девушек и нанося непоправимый урон ее социальной оценке. Ссыпчины и складчины как форма совместных трапез и застолий находят прямые параллели в организации многих коллективных празднеств и их главных атрибутов: чтобы соорудить обрядовую куклу, женщины приносили что-то из одежды из каждого дома; чтобы разжечь обрядовый костер, собирали дрова со всей деревни, а чтобы построить масленичную гору или пасхальные качели, в совместной работе принимали участие мужчины со всего села. Все эти формы «собрания» вряд ли были, на мой взгляд, связаны, с особенностями локального типа хозяйствования или иными региональными особенностями, а отражали более общие смыслы, присущие традиционной культуре, в частности представление о необходимости «собрания» общества и мира в периоды календарных переломов, накануне глобального обновления мира и его социального устройства.

Наконец, 6-я глава работы представляет собой по сути проект регионально-тематического этнолингвистического словаря «Пища Русского Севера», а также

отдельные образцы словарных статей. Идея и проспект словаря очень интересны и фундированны, а в плане развития темы можно предложить автору расширить материалы для раздела «Культурная семантика и обрядовые функции», для чего стоит привлечь не столько современный полевой материал, сколько старый, заимствованный из дореволюционных изданий и местной периодики.

В заключение хочу отметить исключительный характер диссертационной работы К.В. Осиповой. Практически исчерпывающий лексический материал, прекрасное знание литературы вопроса, причем не только лингвистической и этнолингвистической, но также и этнографической, отработанная и оригинальная методика исследования, по сути открывающая новое направление «региональную этнолингвистику», отточенные формулировки заключения и многое другое позволяет с уверенностью сказать, что эта работа станет эталоном докторских диссертаций для исследователей диалектной лексики.

Важнейшей особенностью диссертационного исследования является то, что автор не только обращается в качестве материала к лексике повседневности (а не к обрядово-мифологической терминологии, как в рамках широкой этнолингвистики), но и не менее успешно изучает широкий пласт бытовых практик и материальной культуры северных русских как основу этой терминологии. Традиция исследования «слова и вещи» находит в лице К.В. прекрасного продолжателя.

Завершая отзыв, отмечу, что Ксения Викторовна обладает очень четким и лаконичным научным слогом, не злоупотребляет усложненной терминологией, что позволяет ей максимально доходчиво доносить до читателя свои умозаключения. И это относится не только к тексту диссертации, но и к ее многочисленным публикациям.

Высказанные замечания не имеют принципиального характера и не отменяют исключительно высокой оценки работы.

Авторские публикации по теме диссертации полно отражают проблематику, методику исследования и результаты диссертационной работы, а автореферат адекватно передает основное содержание диссертации

Диссертация соответствует специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России и требованиям п.9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ. Осипова Ксения Викторовна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Официальный оппонент
Агапкина Татьяна Алексеевна,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Отдела этнолингвистики и фольклора
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт славяноведения Российской академии наук
тел. +7 (495) 938-17-80 inслав@inслав.ru
119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

23.11.2023 г.

(Т.А. Агапкина)

Т.А.

подпись Т.А. Агапкиной

